

**Examination of information extremist materials:
methodological and legal issues**

Abstract: Complex of methodological and legal problems of disputed information (extremist) materials' research and examination is studied in the article. The authors consider the issue quite important in terms of modern Russia, they escalation of extremist aspects in communications. Foreign and Russian experience of information (extremist) materials' research and examination is studied carefully. Legal and theoretical methodological aspects of the abovementioned research and examination are analyzed. This analysis was conducted in terms of defining legal measures of extremism counteraction; general problems of legal nature related to extremist materials' research and examination; civil and legal consequences related to results of such examination; law-enforcement activity of agencies and courts. Main problems of equivocal information (extremist) materials' research and examination include legal definition of extremism and extremist materials issue, organizational and legal aspects of conduction and court evaluation of extremist materials' examination. The authors consider consequences of civil legal recognition of information materials as extremist as a serious problem. The authors suggest specific recommendations on extremist materials' examination methodology and methods improvement as well as its legal groundwork. According to the article, extremist materials' examination has to be systematic and has to include linguistic, psychological evaluation of the materials as well as social (political) semantics and contexts and their legal evaluation. This can lead to motives' detection and socially important objectives of the materials. Within the approach extremist materials' examination needs to be aimed at detection general idea of the materials.

Keywords: extremism; extremist activity; extremist materials; controversial information materials; examination.

♦ **Savinov Leonid V.** - Doctor of Politics, Associate Professor, Faculty Dean of Public Administration of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: savi2001@mail.ru.

Dorozhinskaya Elena A. - PhD in Law, Associate Professor, Faculty Dean of Law of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: sofia_1974@mail.ru.

Sigarev Andrey V. - PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair Constitution and Municipal Law of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: ne203@mail.ru.

В условиях современного общества проблема экстремизма приобрела особую актуальность, в том числе в публичной сфере коммуникативных отношений. Одним из эффективных методов противодействия такому экстремизму является правоохранительная деятельность, направленная на выявление и исключение из информационной среды экстремистских материалов. В связи с этим анализ работы правоохранительных органов, прокуратуры и судов общей юрисдикции по противодействию экстремистской деятельности обозначил правовые и методологические проблемы исследования и экспертизы экстремистских информационных источников. Проблема актуальна также в силу того, что широкое публичное распространение пропагандистских и агитационных материалов, провоцирующих социальную напряженность, агрессию и насилие, требует оперативной и адекватной реакции со стороны не только общества, но и прежде всего государства с его властными институтами.

В связи с вышесказанным в представленной статье речь идет не столько о методических проблемах прикладных исследований, сколько о методико-юридических основах и правовых последствиях экспертной оценки спорных информационных материалов, которые могут быть признаны экстремистскими и внесены в федеральный список экстремистских материалов [40].

Указанная проблематика в рамках российского права и вообще отечественной обществоведческой и гуманитарной науки исследована слабо. Причем общепризнанных методик исследования экстремистских материалов экспертным и научным сообществом до сих пор не разработано [6; 12; 13; 28; 34; 42; 43]. При этом зарубежные исследователи активно делятся опытом выявления и оценки экстремистских материалов, в том числе в сети Интернет [47; 61]. Вместе с тем, бóльшая часть зарубежных работ в исследуемой нами области охватывает более широкую тематику - самого экстремизма как противоправного и социально опасного деяния [48; 51; 55-57].

На сегодняшний день исследования проблематики экспертизы экстремистских материалов необходимо рассматривать в рамках пяти основных направлений:

- формирование методологии и методики исследования и экспертизы спорных информационных материалов [3; 4; 15; 25; 30; 33];
- определение процедуры назначения и проведения исследования и экспертизы спорных информационных материалов [1; 22];
- оценка экспертизы спорных информационных материалов как механизм противодействия экстремистской деятельности [32];
- исследование массива практики правоохранительных органов, прокуратуры и судов [5; 16; 31; 41];

– определение состояния правового обеспечения экспертизы экстремистских материалов [23; 29].

На взгляд авторов данной статьи, именно проблематика правового сопровождения и правовых последствий, а также методического обеспечения экспертизы экстремистских материалов является наиболее сложной.

Итак, экспертиза экстремистских материалов - это важное звено в системе правовых средств противодействия экстремизму. Заключение эксперта по делам о преступлениях и правонарушениях экстремистской направленности выступает достаточно значимым, а в некоторых случаях - решающим доказательством, поэтому от качества проведенной экспертизы зависит эффективность правоприменительной деятельности по такой категории дел. К настоящему времени накоплена достаточно богатая практика проведения экспертиз экстремистских материалов, анализ которой позволяет говорить как об определенных успехах и достижениях, так и о выявленных проблемах. Эти проблемы особенно ярко проявляются в ситуациях, когда экспертные заключения, противоречащие не только научной логике, но и просто здравому смыслу, становятся достоянием гласности и получают широкий общественный резонанс [44]. Заслуживает особого внимания сложившаяся на протяжении последнего десятилетия зарубежная практика анализа экстремистских материалов, опубликованных в СМИ (в частности, в связи с известными мировыми военными конфликтами) [58].

Множество правовых проблем, связанных с проведением экспертизы экстремистских материалов, можно условно разделить на четыре группы.

Первая группа - это организационно-правовые проблемы, связанные с порядком назначения экспертизы, подбором экспертов, формулировкой вопросов. В частности, сюда можно отнести следующие довольно распространенные ситуации:

– неверный подбор экспертов (в частности, привлечение в качестве экспертов лиц, имеющих лишь косвенное отношение к тематике исследуемого материала);

– неверная постановка вопросов перед экспертом (в том числе некорректность вопросов о правовой оценке текста);

– неверное разъяснение эксперту смысла и последствий выполняемой им работы (формирование у эксперта ложного представления о том, что он должен просто «высказать свое мнение», а не провести научное исследование);

– некорректное распределение обязанностей между несколькими экспертами при проведении комплексной экспертизы, в результате чего эксперты вторгаются в предметную область друг друга, а результат формулируется бессистемно, без определения общих выводов;

– отсутствие или слабость научного инструментария в исследовании, подмена конкретных выводов общими рассуждениями и субъективными оценками.

Перечисленные проблемы являются следствием очевидных нарушений правил назначения и проведения судебной экспертизы, которые установлены Уголовно-процессуальным кодексом РФ [39], Гражданским процессуальным кодексом РФ [8] и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (далее - Закон № 73-ФЗ) [19].

В соответствии со ст. 8 Закона № 73-ФЗ эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. При этом в соответствии со ст. 23 упомянутого закона при производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами разных специальностей (комплексной экспертизы) каждый из них проводит исследования в пределах своих специальных знаний, и в заключении указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда [20]. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

Вторая группа проблем связана с использованием экспертного заключения в судебном процессе. Экспертное заключение - это одно из доказательств, на основе которого суд принимает решение, но его значение не следует абсолютизировать. Эксперт отвечает на поставленные вопросы лишь в рамках своей научной специальности, тогда как комплексная юридическая оценка материала относится к исключительной компетенции суда. При этом наличие экспертного заключения не избавляет суд от необходимости непосредственного

ознакомления с исследуемым информационным материалом. Важно, чтобы суд выслушал мнения других заинтересованных лиц, изучил цели и мотивы авторов и распространителей данного материала, проанализировал возможные социальные последствия его распространения, т.е. рассмотрел вопрос в более широком контексте.

Суть проблемы хорошо показана А.Р. Султановым на примере дела о признании экстремистским материалом смыслового перевода Корана на русский язык [36]. В сентябре 2013 г. Октябрьский районный суд г. Новороссийска признал русскоязычный текст Корана экстремистским материалом, а также принял решение об уничтожении данной книги. Суд рассмотрел заявление прокурора о признании экстремистским указанного издания без привлечения к участию в деле автора перевода и издателя. Дело было рассмотрено в особом производстве, которое предназначено для рассмотрения бесспорных дел, когда нет сторон с противоположными интересами. Из карточки дела на сайте суда следует, что подготовка дела (собеседование) была проведена 17 сентября 2013 г. в 10:00. Через пять минут было вынесено определение о назначении дела к судебному разбирательству, а еще через пять минут - в 10:10 - судебное заседание окончено удовлетворением требований прокурора. В данном случае экспертное заключение стало основным и единственным доказательством. В докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2013 г. это решение названо «беспрецедентным по своему невежеству и возможным последствиям».

Вышестоящая судебная инстанция своим решением от 17 декабря 2013 г. отменила упомянутое решение Октябрьского районного суда г. Новороссийска. Множество других примеров формального использования экспертных заключений в судебных процессах о признании информационных материалов экстремистскими описано в ежегодных докладах о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ, а также в материалах правозащитных организаций [11; 43, с. 42–45].

Третья группа проблем имеет более глубокий характер и связана с определением экстремизма, которое закреплено в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (далее - Закон № 114-ФЗ) [21]. О несовершенстве и размытости данного определения много сказано и написано в научной литературе. Рассмотрим лишь некоторые трудности, возникающие на практике при исследовании экстремистских материалов и квалификации экстремистских правонарушений.

Во-первых, камнем преткновения является использованная в ст. 1 данного закона формулировка «социальная принадлежность» и формулировка ст. 282 УК РФ «принадлежность к социальной группе» [43, с. 43-45]. В частности, до

настоящего времени открытым и дискуссионным является вопрос о том, можно ли считать социальной группой руководителей государства, чиновников, депутатов, сотрудников полиции - лиц, деятельность которых чаще всего подвергается критике, порой очень жесткой и не всегда объективной [46; 53]. К сожалению, вопрос о том, кого можно считать социальной группой, остался не раскрытым в упомянутом ранее постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 [20]. Во-вторых, большие проблемы возникают с оценкой изданий различных религиозных организаций, в которых говорится об исключительной истинности того или иного вероучения и, соответственно, ложности других религий. Здесь нужно учитывать то, что психология религиозного человека имеет ряд выраженных особенностей [59]. Религиозное сознание в известном смысле изначально интолерантно, поскольку основано на противопоставлении крайностей - добра и зла, добродетели и греха, совершенства и несовершенства, истины и заблуждения. Большинство мировых религий предполагает абсолютную и безусловную веру в исключительность, истинность, уникальность исповедуемого учения. Религиозное сознание исключает релятивизм в мировоззренческих вопросах. Как справедливо утверждает С.Е. Пролетенкова, «идеологические предпосылки религиозного экстремизма в рамках различных конфессий существуют практически с самого начала появления соответствующих религий» [27, с. 38].

В религиозной литературе, как в древних источниках, так и в современных произведениях, встречаются высказывания, которые можно было бы трактовать как экстремистские, — о превосходстве последователей данной религии перед неверующими, о неполноценности неверующих, о грядущем наказании для них. Можно встретить и прямые призывы к насилию в отношении «неверных». Но такие высказывания не следует трактовать поверхностно и прямолинейно. Зачастую они лежат не в плоскости взаимоотношений последователей одной религии с окружающими людьми, а в плоскости отношений верующего с самим собой. Религиозная литература основана на символизме, аллегориях, метафорах и гиперболах. Призыв бороться с «неверными» может трактоваться как призыв к духовной борьбе человека с «неверным» в себе, со своими пороками и слабостями. Эти особенности должны учитываться судом.

Кроме того, не только российскими, но и зарубежными исследователями давно обращается внимание на значимость психологических методов воздействия на человека с целью вовлечения его в сферу экстремистской идеологии [45].

В-третьих, сложности с юридической оценкой информационного материала возникают в случаях, когда в нем содержится жесткая критика

каких-либо политических деятелей. С одной стороны, Закон № 114-ФЗ в ст. 1 относит к проявлениям экстремизма «публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением» [21]. С другой стороны, критика, в том числе жесткая, - это неотъемлемый атрибут политической жизни. Поэтому выявленные экспертом в том или ином информационном материале негативные оценки политического деятеля сами по себе не позволяют признавать его экстремистским.

В данном случае необходимо учитывать положения Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой 12 февраля 2004 г. на заседании Комитета министров Совета Европы [9], и основанную на ней практику Европейского суда по правам человека. Согласно декларации, политические деятели решили заручиться общественным доверием и соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии, а значит, общество может осуществлять за ними строгий контроль и энергично, жестко критиковать в средствах массовой информации то, как они выполняли или выполняют свои обязанности. Государственные должностные лица должны согласиться стать объектом общественного контроля и критики в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий [49; 52]. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц [50; 60].

Четвертая группа проблем связана с последующей судьбой информационных материалов, признанных судом экстремистскими. В соответствии со ст. 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» все экстремистские материалы заносятся в единый федеральный список, который размещается в сети Интернет на официальном сайте Министерства юстиции РФ.

Сама идея ведения и опубликования такого списка достаточно разумна. Список выполняет пресекательную функцию, не допуская дальнейшего тиражирования общественно опасных материалов. Массовое распространение экстремистских материалов влечет ответственность по ст. 20.29 Кодекса РФ об

административных правонарушениях [14]. Тем не менее, практическая польза от существования такого списка вызывает все большее сомнение.

Значительную долю федерального списка экстремистских материалов составляют материалы, явно не рассчитанные на массовое распространение, например файлы с частных компьютеров. Включение их в общероссийский федеральный список не несет никакой пользы, наоборот, список лишь увеличивается в объеме, загромождается и становится все менее пригодным для использования. В федеральном списке экстремистских материалов немало примеров того, как описание этих материалов не позволяет их идентифицировать с целью пресечения дальнейшего распространения (название файла, цвет и серийный номер компакт-диска и т.п.).

Суть проблемы видится в некорректности законодательного определения экстремистских материалов. В ч. 3 ст. 1 Закона № 114-ФЗ дается определение экстремистских материалов - «предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях...». Под данное определение подходит и файл на компакт-диске, и комментарий на интернет- форуме, и даже надпись на стене или заборе. Таких мелких проявлений экстремизма в масштабах всей страны — огромное количество. Борьба с ними, безусловно, должна вестись, но составление федерального списка всех подобных материалов не является адекватным правовым инструментом такой борьбы.

Решение этой проблемы видится в следующем. Вместо излишне широкого понятия «экстремистские материалы» следует использовать более конкретный термин — «экстремистские публикации». Под публикацией в данном случае понимается опубликованное произведение, имеющее название, автора, выходные данные, т.е. те признаки, по которым принято идентифицировать публикации. Именно в отношении таких произведений имеется опасность их массового распространения по библиотекам, магазинам, сети Интернет. Список экстремистских публикаций был бы намного более компактным, чем список экстремистских материалов, но при этом намного более полезным для противодействия экстремизму.

Другая группа правовых проблем, связанных с экспертизой спорных информационных материалов, определяется последствиями гражданско-правового характера признания их экстремистскими [54]. К примеру, по вполне обоснованному мнению И.Л. Трунова и Л.К. Айвара, «в результате экстремистской деятельности, а зачастую и мерами, направленными на противодействие экстремизму, гражданам причиняется существенный моральный вред и материальный ущерб... материальный ущерб, вред деловой репутации и доброму имени может быть причинен и юридическим лицам» [38].

Так как ст. 13 Закона № 114-ФЗ, непосредственно регулирующая ответственность за распространение экстремистских материалов, не содержит четкого указания на применяемые виды ответственности, в данном случае можно воспользоваться общей нормой ст. 15, закрепляющей уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность [21]. Но если по поводу складывающейся (и безусловно преобладающей!) практики привлечения к уголовной и административной ответственности вопросов не возникает, то в отношении применения гражданско-правовой ответственности сформировалось несколько нюансов, и особенно актуальным является рассмотрение ситуации именно применительно к проводимой экспертизе экстремистских материалов.

Например, в ходе проведения экспертизы исследуются информационные материалы, которые, по верному замечанию А.Р. Султанова, «не вещь, которая существует сама по себе, это всегда результат чьего-то действия, у них всегда есть автор» [37]. Соответственно, рассмотрение вопроса переходит в плоскость права интеллектуальной собственности, и вполне правомерно обратить внимание на правовые последствия для автора материалов в результате признания их экстремистскими.

На практике же речь в основном идет о мерах, связанных не с авторством, а с владением, пользованием и распоряжением материальными носителями результата интеллектуальной деятельности путем их производства, хранения или распространения. При этом одна из применяемых мер ответственности (конфискация) рассчитана на исключение возможности продолжения правонарушения через изъятие имущества.

Конфискация, конечно, регулируется ст. 243 ГК РФ [7], но цель ее применения в качестве формы принудительного изъятия имущества не является в чистом виде гражданско-правовой, так как носит карательный, а не компенсационный характер (что отражено в ст. 20.29 КоАП РФ [14]). Хотя проблемы практики в сфере применения конфискации в делах о распространении экстремистских материалов также имеют место [26].

Можно утверждать, что в сфере регулирования распространения экстремистских материалов практически не применяется институт гражданско-правовой ответственности за причиненный вред, хотя для этого часто имеются условия и правовые основания.

Применение гражданско-правовой ответственности в связи с распространением материалов, оцененных как экстремистские, фактически возможно в следующих ситуациях:

– в случаях публикаций материалов экстремистского характера, причиняющих нравственные (а в зависимости от особенностей лица и физические) страдания гражданам;

– в случаях публикаций материалов экстремистского характера, содержательно касающихся прав и интересов должностного лица, в результате которых затронуты не только его честь и достоинство, но и деловая репутация (в частности, при «публичном заведомо ложном обвинении лица, замещающего государственную должность РФ или субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей противоправных деяний», согласно ст. 1 Закона № 114-ФЗ);

– в случаях публикаций материалов экстремистского характера, содержательно затрагивающих права и интересы юридических лиц (например, общественных и религиозных организаций, средств массовой информации и др.), в результате которых умалняется их деловая репутация;

– в случае неправомерного привлечения лиц к уголовной и административной ответственности за распространение материалов экстремистской направленности (причиной может быть в том числе некачественно проведенная экспертиза).

В перечисленных обстоятельствах, помимо публично-правовой ответственности, возможно истребование компенсации морального вреда, а в последнем случае речь может идти также о возмещении причиненных убытков.

Особо интересно в данном ключе уточнить, что при привлечении к ответственности средств массовой информации за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности «деятельность соответствующего средства массовой информации может быть прекращена по решению суда» [21], при этом данное последствие выступает в качестве санкции.

Положение п. 2 ст. 61 ГК РФ, согласно которому юридическое лицо может быть ликвидировано по решению суда, в свое время являлось предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который постановлением от 18 июля 2003 г. № 14-П признал данное положение не противоречащим Конституции РФ. Предусмотренная данным пунктом санкция - ликвидация юридического лица - должна применяться в соответствии с общеправовыми принципами юридической ответственности и быть соразмерной допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям [24]. Примечательно, что данное постановление было принято именно по запросу средств массовой информации.

Стоит отметить, что сложившаяся судебная практика демонстрирует принятие судами вполне обоснованных и правомерных решений относительно

прекращения деятельности нарушителей - юридических лиц (в том числе и на основе проведенной экспертизы) (определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2014 г. № 5-АПГ14-6; определение Верховного Суда РФ от 7 июня 2011 г. № 5-Г11-104; определение Верховного Суда РФ от 8 декабря 2009 г. № 41-Г09-29).

При глубоком анализе законодательства становится ясно, что в случае некачественной экспертизы распространяемых материалов, повлекшей неправомерное возложение ответственности, средство массовой информации, выступая субъектом предпринимательской деятельности, может понести убытки не только в результате прекращения деятельности, но даже по причине приостановления реализации своей продукции либо изъятия из оборота нереализованной части тиража продукции СМИ, якобы содержащей материал экстремистской направленности. Безусловно, здесь речь идет уже о причинении реального ущерба (определение Верховного Суда РФ от 12 сентября 2006 г. по делу № 51-Г06-21; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26 февраля 2008 г. № Ф04-1152/2008(1005-А45-6) по делу № А45-6577/07-36/170), хотя случаи его взыскания найти в российской практике весьма сложно, ибо организации должны самостоятельно предъявлять иски с требованием о возмещении причиненного вреда и о защите деловой репутации со всеми вытекающими последствиями.

В Законе № 114-ФЗ отсутствует всякое упоминание о механизме возмещения вреда (в том числе о способе и порядке определения его размера и т.д.), что является явной недоработкой. Косвенно данный институт ответственности регламентируется ст. 1069 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами», согласно которой вред возмещается за счет соответствующей казны [7]. К сожалению, судебной практики по данным ситуациям обнаружить не удалось.

Интересные прецеденты чаще возникают в ситуациях применения гражданско-правовой ответственности за причиненный моральный вред. Применительно к последствиям проведения экспертизы экстремистских материалов данный вопрос обозначен достаточно остро.

Одна из проблем состоит в том, что до сих пор отсутствует четкая регламентация проведения экспертизы экстремистских материалов, поэтому некачественно проведенная оценка может повлечь за собой безосновательное привлечение лиц к ответственности (по сути, судебную ошибку). Очевидно, что подобные последствия не только неблагоприятно отразятся на имущественном положении ответчика, но и повлекут умаление его чести и достоинства, а также ущерб деловой репутации (в зависимости от статуса лица).

Несмотря на то, что существует и применяется ряд методик исследования информационных материалов на предмет наличия или отсутствия в них признаков экстремизма, еще в 2010 г. в деле № 2-971/10г Октябрьского районного суда г. Саратова о признании незаконным бездействия в виде непринятия мер, направленных на выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, суд указал на то, что «законодательно методика проведения проверок государственным надзорным органом в сфере массовых коммуникаций в отношении СМИ на предмет выявления признаков экстремизма в публикациях не урегулирована» [10]. И по сегодняшний день экспертное сообщество сходится во мнении о том, что «выработать некую единую методику в этой области невозможно» [2].

Одной из причин невозможности разработки и утверждения единой методики экспертизы служит тот факт, что в постоянно меняющемся законодательстве отсутствуют легальные определения понятий и категорий, являющихся характеристиками экстремистских материалов, например «пропаганда», «публичный призыв», «ненависть» и т.д. И хотя Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 разъяснил, каким образом надо толковать подобные нормы закона [20], все равно существует влияние подобного дефекта законодательства на качество оценки материала, могущей привести к неправомерному привлечению к ответственности.

Вторая проблема применения механизма привлечения к гражданско-правовой ответственности в связи с применением экспертизы экстремистских материалов заключается в особенностях оценки судами оснований для компенсации морального вреда.

Речь идет о том, что, как известно, согласно ст. 151 ГК РФ, под моральным вредом понимаются физические и нравственные страдания, и он в силу своей нематериальной природы подлежит не возмещению, а компенсации в денежном эквиваленте [7]. Но доказать причинно-следственную связь между действиями (бездействием), связанными с незаконным распространением и т.д. экстремистских материалов, и возникновением морального вреда, а также сам факт причинения данного вреда не под силу даже особо активным гражданам.

Например, 26 июля 2013 г. Центральный районный суд г. Омска отказал общественному активисту Виктору Корба в защите чести и достоинства. Ответчиками по делу были названы УМВД и УФСБ РФ по Омской области и прокуратура г. Омска, а поводом стали инициированные против Виктора Корба административные дела о перерастании собрания в митинг, об экстремистских материалах и о распространении экстремистских материалов.

В частности, по заявлению прокурора в конце 2012 г. в результате проведенной экспертизы были признаны экстремистскими все материалы газеты «Радикальная политика» за сентябрь 2011 г., содержащей перепечатки из других газет, в том числе статью В. Корба, которому удалось добиться отмены этого решения и направления дела на новое рассмотрение, в результате чего прокуратура исключила указанную статью из материалов, признанных экстремистскими. Также судом было признано незаконным предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов, вынесенное полицией по инициативе УФСБ РФ. Кроме того, на заседании суда было установлено, что имело место привлечение лжесвидетелей, а также фальсификация рапортов и пояснений. При всех перечисленных обстоятельствах суд решил, что фабрикация дела против Виктора Корба не является основанием для компенсации морального вреда, и отказал в иске [17].

Как видно, даже при вполне очевидных основаниях добиться компенсации морального вреда не удалось, хотя в описанном деле налицо несоблюдение судом требований, установленных в ст. 1100 ГК РФ [7].

Тот же результат был получен гражданином Л.Н. Фейтлихером, обратившимся в 2010 г. в Октябрьский районный суд г. Саратова с иском к нескольким органам прокуратуры Саратовской области, к руководителю Роскомнадзора по Саратовской области и иным органам и лицам о признании их бездействия незаконным, о возложении на них обязанностей по принятию мер, направленных на выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, проведению проверок (в том числе и экспертиз экстремистских материалов), а также о взыскании компенсации морального вреда.

Моральный вред, по мнению истца, был причинен ему тем, что «незаконным бездействием ответчиков были нарушены его конституционные права, в частности право на национальное достоинство, созданы препятствия для защиты и реализации его прав... в течение нескольких лет... публикации были направлены на создание его негативного образа как представителя еврейской национальности» и т.д. [10].

Заявителю в иске также было отказано, поскольку, по утверждению суда, его ссылки на непринятие прокуратурой области мер, направленных на выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, на непроведение систематических проверок исполнения требований законодательства о противодействии экстремистской деятельности в отношении указанных в иске средств массовой информации и интернет-ресурсов носят бездоказательный характер и фактически не направлены на

защиту его личного неимущественного права (по словам истца, права на национальное достоинство).

Бросается в глаза тот факт, что подобные иски возникают по причине проявления гражданами активной жизненной позиции, связанной не столько с личной защитой, сколько с защитой общегражданских, национальных и иных интересов [35]. Гражданско-правовой механизм компенсации морального вреда избирается истцами скорее как вспомогательный способ усиления значимости собственных требований.

При этом возникает автономный по отношению к государственному реагированию гражданский механизм «антиэкстремистской» деятельности, когда на распространение подобных материалов своевременно реагируют и требуют проведения экспертизы отнюдь не уполномоченные органы и организации, а граждане. Хотя, безусловно, при этом наблюдается сочетание общественного и личного интереса (как в случае иска Л.Н. Фейтликера), что не умаляет ценности таких инициатив.

Итак, проведенный анализ позволяет прийти к выводу о существенных недостатках в теоретико-методологическом и эмпирико-исследовательском содержании правовой оценки экспертизы экстремистских материалов и гражданско-правовых последствий, вызванных ее результатами. Во многом эти проблемы связаны с недостаточной разработанностью методологии и методик исследования и экспертизы спорных информационных материалов.

Вместе с тем правоприменительная деятельность специальных органов по борьбе с экстремизмом сегодня сталкивается со сложностью формирования экспертных оценок экстремистских материалов. Эти проблемы во многом объективны и связаны с недостаточным уровнем специальной подготовки многих экспертов или неадекватным назначением в качестве экспертов лиц, не владеющих познаниями в требуемой области науки, методологии, методикой и процедурой проведения таких экспертиз. Кроме того, как уже было отмечено, существует группа проблем, связанных со сложностью проведения подобных исследований, недостаточной разработанностью самих методик, необходимостью производства комплексных экспертиз экстремистских материалов.

По мнению авторов этой статьи, экспертиза экстремистских материалов должна быть системной и включать не только лингвистическое исследование и психологическую оценку, но и анализ социальных (в том числе политических) смыслов и контекстов. В этом случае выявляются мотивы их создания и социально значимые коммуникативные цели. В комплексе данных подходов экспертиза экстремистских материалов должна быть обращена на выявление общей смысловой направленности информационных материалов.

Можно особо отметить, что принципиальное значение в области специальной подготовки экспертов имеют предложения о том, что в системе Министерства юстиции или Министерства внутренних дел РФ должны быть специализированные подразделения, проводящие комплексные экспертизы и научные консультации. При этом могут быть достигнуты следующие цели:

– унификация алгоритмов и критериев анализа и оценки информационных материалов. При реализации этой цели можно свести к минимуму дилетантизм и «вкусовщину» в оценках и суждениях специалистов; экспертные заключения станут отвечать требованиям научной обоснованности, достоверности и верифицируемости данных;

– системное обучение и лицензирование специалистов, проводящих экспертные исследования. В результате этих мероприятий произойдет отсев некомпетентных лиц, снимутся претензии к экспертам в недееспособности и субъективности выводов. Необходимы объективные квалификационные требования к экспертам;

– повышение ответственности экспертов и формирование института репутации специалистов, проводящих исследования экстремистских материалов.

Решению многих проблем в сфере экспертизы экстремистских материалов способствовала бы открытость их результатов (к примеру, сопровождение федерального списка экстремистских материалов экспертными заключениями) и введение практики научной рецензии на экспертные заключения.

Bibliography

1. Alpeeva M.A. Certain issues of commission of examination of extremist materials seized at borderline crossing. *Strakhovoe delo = Insurance*, 2013, no. 2, pp. 19–22. (In Russian).

2. Extremist materials base will be developed in Russia. Available at: <http://www.garant.ru/news/534719/#ixzz3DgE3svO1>. (In Russian).

3. Volkov V.V. Xenophobia as intentional base for hatred in court linguistic examination: (linguistic hermeneutics of the phenomenon). *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve = Legality and legal order in modern society*, 2014, no. 19, pp. 115–124. (In Russian).

4. Voroshilova M.B., Zlokazov K.V., Karapetyan A.A. The skinhead part: experience of complex psychological and linguistic examination. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics Journal*, 2013, no. 1, pp. 181–190. (In Russian).

5. Galakhov S.S. On subjects of extremist activity counteraction and their functions. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Russia Ministry of internal affairs Kazan Law Institute Bulletin, 2014, no. 3 (17), pp. 11–18. (In Russian).

6. Galyashina E.I., Gorbanevskii M.V. (ed.) Lingvistika vs. ekstremizma. V pomoshch' sud'yam, sledovatelyam [Linguistics vs. extremism. For judges, investigators]. Moscow, Yuridicheskiy mir Publ., 2006. 96 p.

7. Civil Code of the Russian Federation Part 1 № 51-FZ dated 30 Nov. 1994 (as amended on 5 May 2014 and 1 Sept. 2014). Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper, 1994, Dec. 8. (In Russian).

8. Civil Procedural Code of the Russian Federation № 138-FZ dated 14 Nov. 2002 (as amended on 23 June 2014). Sbornik zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of the legislation of the Russian Federation, 2002, no. 46, art. 4532. (In Russian).

9. Declaration on freedom of political debate in the media (Adopted by the Committee of Ministers on 12 Febr. 2004 at the 872nd meeting of the Ministers' Deputies). Available at: <http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/media/russian.pdf>. (In Russian).

10. Saratov Oktyabrskiy district Court case № 2-971/10g. Available at: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyjsud-g-saratova-saratovskaya-oblast-s/act-101010553>. (In Russian).

11. Russian Federation human-rights ombudsman activity reports. Available at: <http://ombudsmanrf.org/doklady>. (In Russian).

12. Savinov L.V. (ed.). Issledovanie i ekspertiza ekstremistskikh materialov [Extremist materials research and examination]. 2nd ed. Novosibirsk, Siberian Academy of civil service Publ., 2011. 357 p.

13. Gorbanevskii M.V. (ed.). Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudei, yuristov SMI, advokatov, doznavatelei i ekspertov [How to conduct a linguistic examination of disputed text? Instruction sheet for judges, mass media jurist, lawyers, investigator and experts]. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskiy mir Publ., 2006. 215 p.

14. Code of the Russian Federation on Administrative Violations № 195-FZ dated 30 Dec. 2001 (as amended on 21 July 2014 and 6 Aug. 2014) Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper, 2001, Dec. 31. (In Russian).

15. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psychological linguistic examination of semantics of extremist materials. Vesti Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Russian Federation Prosecutor General Academy Bulletin, 2007, no. 2, pp. 18–22. (In Russian).

16. Lesnikova P.G. On results of regional seminar «Current issues of forensic examination of extremist materials» held 18–20 Sept. 2013 in Saransk, Republic of Mordovia in Mordovia forensic laboratory of Russian Ministry of Justice. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and practice of forensic examination*, 2014, no. 2 (34), pp. 126–128. (In Russian).

17. Mikitik S. V Omske sud reshil, chto fabrikatsiya dela ne prichinyaet moral'nyi vred [Omsk court decided that case invention does not cause non-pecuniary damage]. Available at: http://67.218.116.68/material.php?id=51F27A1CBFD96&section_id=452B963D6A402&subject_id=178. (In Russian).

18. Unlawful anti-extremism. Available at: <http://www.sova-center.ru/misuse>. (In Russian).

19. Federal law of the Russian Federation № 73-FZ on federal forensic examination activity in Russian Federation dated 31 May 2001 (as amended on 25 Nov. 2013). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of the legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 23, art. 291. (In Russian).

20. Enactment Plenum of Supreme Court of the Russian Federation № 11 on court practice on extremism-related criminal cases dated 28 June 2011. *Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper*, 2011, July 4. (In Russian).

21. Federal law № 114-FZ on extremist activity counteraction dated 25 July 2002 (as amended 21 Jul 2014). *Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper*, 2002, July 30. (In Russian).

22. On extremist materials linguistic examination typical question development. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo» = Scientific statements Belgorod State University. Series Philosophy. Sociology. Right*, 2013, no. 9, pp. 204–213. (In Russian).

23. Olennikov S.M. Reviews on court practice on extremism related cases. *Rossiiskii ezhegodnik ugolovnogo prava = Russian criminal law yearbook*, 2012, no. 6, pp. 597–614. (In Russian).

24. Enactment of Constitutional Court of the Russian Federation № 14-P dated 18 July 2003 on verification of constitutionality of Article 35 of Federal Law on Joint Stock Companies, Articles 61, 99 of Civil Code of the Russian Federation, Article 31 of Tax Code of the Russian Federation and Article 14 of Arbitration Procedural Code of the Russian Federation on the grounds of Borisov A.B., «Media-most» Ltd. and «Moscow Independent Broadcasting Corporation» Ltd. complaints. *Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper*, 2003. July 29. (In Russian).

25. Podkatilina M.L. On linguistic examination of extremist materials. *Ekspert-kriminalist = Expert-criminalist*, 2010, no. 4, pp. 28–30. (In Russian).

26. Tver' regional court decision dated 18 Oct. 2011 (case № 4-a-321). Available at: http://www.jw-russia.org/news/tver/courtdoc20111018_u.pdf. (In Russian).

27. Proletenkova S.E. General methodological approaches to factor complex of religious extremism research. *Rossiiskii sledovatel'* = Russian Investigator, 2013, no. 4, pp. 37–39. (In Russian).

28. Ratinov A.R., Kroz M.V., Ratinova N.A. *Otvetstvennost' za razzhiganie vrazhdy i nenavisti. Psikhologo-pravovaya kharakteristika* [Responsibility for rousing conflicts and hatred. Psychological and legal characteristics]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2005. 250 p.

29. Ratinova N.A., Kroz M.V. On extremism counteraction by inappropriate means: legal, psychological and ethic aspects. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy* = Theory and practice of forensic examination, 2013, no. 1 (29), pp. 35–42. (In Russian).

30. Sal'nikov E.V. Methodological principles of linguistic examination of extremist materials. *Sudebnaya ekspertiza* = Court examination, 2006, no. 1, pp. 18–24. (In Russian).

31. Samoroka V.A. Using results of operational investigations in institution of criminal cases of extremist nature. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = Russian Ministry of Internal Affairs Moscow University Bulletin, 2014, no. 7, pp. 205–208. (In Russian).

32. Samsonova A.O. Ethnic extremism as threat to the national security: psychological analysis. *Vestnik Rossiiskoi natsii* = Russian nation bulletin, 2014, no. 2, pp. 227–238. (In Russian).

33. Sekerazh T.N. Methodological issues of equivocal texts on extremism cases research. *Psikhologiya i pravo* = Psychology and Law, 2011, no. 2, pp. 55–65. (In Russian).

34. Gorbanevskii M.V. (ed.). *Spornye teksty SMI i sudebnye iski. Publikatsii. Dokumenty. Ekspertizy. Kommentarii lingvistov* [Disputable mass media texts and lawsuits. Publications. Documents. Examination. Linguists' reviews]. Moscow, Prestizh Publ., 2005. 264 p.

35. Sultanov A.R. Rights, freedoms and legal interests of citizens' protection in terms of cases on recognition of information materials as extremist. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* = Arbitration and Civil Proceedings, 2012, no. 1, pp. 26–32. (In Russian).

36. Sultanov A.R. Recognition the extremist material of semantic translation of the Quran and issues of the due legal process. *Advokat* = Lawyer, 2013, no. 11, pp. 5–13. (In Russian).

37. Sultanov A.R. The legal nature of cases concerned with recognition of information materials as extremist from the point of view of civil procedure. *Advokat = Lawyer*, 2012, no. 1. Available at: <http://www.lawecon.ru/advokat/articles/14/148/>. (In Russian).

38. Trunov I.L., Aivar L.K. *Pravovye osnovy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo ekstremistskoi deyatel'nost'yu* [Legal grounds for contribution of damage caused by extremist activity]. Available at: <http://www.trunov.com/content.php?act=showcont&id=4255>. (In Russian).

39. Criminal procedural Code of the Russian Federation № 174-FZ dated 18 Dec. 2001 (as amended on 28 June 2014). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of the legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 52, pt. 1, art. 4921. (In Russian).

40. Federal list of extremist materials. Available at: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>. (In Russian).

41. Shumilin S.V. Objectives of criminal procedural activity of an investigator: definition and legislative recognition. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Scientific statements Belgorod State University. Series Philosophy. Sociology. Right*, 2013, no. 9, pp. 218–230. (In Russian).

42. Gorbanevskii M.V. (ed.). *Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii* Price of words: [From the practice of linguistic examination of mass media texts in court proceedings on protection of honor, dignity and business reputation]. Moscow, Galereya Publ., 2001. 183 p.

43. Kuznetsov S.A., Olennikov S.M. (eds). *Ekspertnye issledovaniya po delam o priznanii informatsionnykh materialov ekstremistskimi. Teoreticheskie osnovaniya i metodicheskoe rukovodstvo* [Expert research of recognition of information materials as extremist. Theoretical basis and methodological guideline]. 2nd ed. Moscow, V. Em Publ., 2014. 312 p.

44. Epshtein A., Vasil'ev O. *Politsiya myslei: vlast', eksperty i bor'ba s ekstremizmom v sovremennoi Rossii* [Police of thoughts: authorities, experts and extremism fighting in modern Russia]. Moscow, Gileya Publ., 2011. 175 p.

45. Bowman-Grieve L. A psychological perspective on virtual communities supporting terrorist & extremist ideologies as a tool for recruitment [Electronic resource] / Lorraine Bowman-Grieve // *Security Informatics*. 2013. March, 23. — Mode of access: <http://www.readcube.com/articles/10.1186%2F2190-8532-2-9>.

46. Chakraborti N. Re-Thinking Hate Crime: Fresh Challenges for Policy and Practice / N. Chakraborti // *Journal of Interpersonal Violence*. — 2014. — Sept. — P. 1–17.

47. Chen H. Studying Global Extremist Organizations' Internet Presence Using the Dark Web Attribute System / Hsinchun Chen, Jialun Qin, Edna Reid, Yilu Zhou // *Terrorism Informatics. Integrated Series In Information Systems.* — 2008. — Vol. 18. — P. 237–266.
48. Essen E. von. Deconstructing the Poaching Phenomenon: A Review of Typologies for Understanding Illegal Hunting / Erica von Essen, Hans Peter Hansen, Helena Nordström Källström, M. Nils Peterson, Tarla Rai Peterson // *British Journal of Criminology.* — 2014. — Vol. 54 (4). — P. 632–651.
49. Fernbach P. Political Extremism Is Supported by an Illusion of Understanding / P. Fernbach, T. Rogers, R. Craig // *Psychological Science.* 2013. Vol. 24. P. 939-946.
50. Giannone D. The political and ideological dimension of the easurement of freedom of information. Assessing the interplay between neoliberalism and the Freedom of the Press Index / D. Giannone // *International Communication Gazette.* — 2014. — Vol. 76. — P. 505–527.
51. Hamm M.S. Prison Islam in the Age of Sacred Terror / Mark S. Hamm // *British Journal of Criminology.* – 2009. — Vol. 49 (5). — P. 667–685.
52. Hayward C. What Can Political Freedom Mean in a Multicultural Democracy? On Deliberation, Difference, and Democratic Governance Political / C. Hayward // *Theory.* — 2011. — Vol. 39. — P. 468–497.
53. Hogg M. From Uncertainty to Extremism: Social Categorization and Identity Processes / M. Hogg // *Current Directions in Psychological Science.* — 2014. — Vol. 23. — P. 338–342.
54. Koenig T. «Hate Torts» to Fight Hate Crimes Punishing the Organizational Roots of Evil / T. Koenig, M. Rustad // *American Behavioral Scientist.* — 2007. — Vol. 51. — P. 302–318.
55. Koopmans R. Rechtsextremismus und Fremdenfeindlichkeit in Deutschland: ein Problem von heute, Lösungen von gestern / R. Koopmans // *Rechtsextremismus und Fremdenfeindlichkeit in Deutschland: Probleme von heute — Diagnosen von gestern.* — 2001. — Dez. — Nr. 4. — S. 12–22.
56. Millings M. Policing British Asian Identities: The Enduring Role of the Police in Young British Asian Men's Situated Negotiation of Identity and Belonging / Matthew Millings // *British Journal of Criminology.* – 2013. – 53 (6). – P. 1075–1092.
57. *Political Extremism. Four-Volume Set.* L.: SAGE Publications Ltd, 2014. 1576 p.
58. Prentice S. Analyzing the semantic content and persuasive composition of extremist media: A case study of texts produced during the Gaza conflict / S.

Prentice, P.J. Taylor, P. Rayson, A. Hoskins, B. O`Loughlin // Information Systems Frontiers. 2011. March. Vol. 13, Iss. 1. P. 61–73.

59. Thompson S. Freedom of expression and hatred of religion / S. Thompson // Ethnicities. 2012. Vol. 12. P. 215-232.

60. Voorhoof D. Freedom of Expression and Information in a Democratic Society: The Added but Fragile Value of the European Convention on Human Rights / D. Voorhoof, H. Cannie // International Communication Gazette. 2010. Vol. 72. P. 407-423.

61. Zhou Y. Exploring the Dark Side of the Web: Collection and Analysis of U.S. Extremist Online Forums / Yuli Zhou, Jialun Qin, Guanpi Lai, Edna Reid, Hsinchun Chen // Intelligence and Security Informatics. 2006. Vol. 3975. P. 621–626.